
КОНТЕКСТ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В РАЗДЕЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Г.Г. КОСАЧ*

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО БЕЗ ПЛЮРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития фрагментированного саудовского общества в контексте его исторической эволюции, начиная с момента создания государства. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия политической элиты и отдельных фрагментов социума, прежде всего не принадлежащих к господствующей ханбалитско-ваххабитской версии ислама. В связи с этим автор обращается к анализу действий государства, направленных на создание элементов представительной власти, а также взаимодействия общества и вновь появляющихся институтов, подчеркивая, что возможность становления в Саудовской Аравии национально ориентированного общества – все еще далекая перспектива.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; Ибн Сауд; ислам; суннитский ислам; ваххабитская версия ханбалитской правовой школы; шииты; исмаилиты; модернизация; Консультативный совет; муниципальные выборы; Центр национального диалога.

G.G. Kosach

Saudi Arabia: National unity without pluralization

Abstract. The article analyzes the problems of fragmented Saudi society in the context of its historic evolution from the beginning of the state formation. The main attention is paid to the issues of interaction between political elite and different sectors

* **Косач Григорий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: g.kosach@mail.ru

Kosach Grigori, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), e-mail: g.kosach@mail.ru

of society, first of all, the adepts of different Islamic schools outside the dominating Wahhabi version of Hanbali school. In this regard the author analyzes state policy directed to build elements of representative power, as well as other political institutions. He considers the possibility of national oriented society as a perspective of the future.

Keywords: Saudi Arabia; Ibn Saud; islam, sunni islam; Wahhabi version of Hanbali religious school; shiites; ismailis; modernization; consultative council; municipal elections; Center of national dialogue.

Начало XX в. изменило политический ландшафт Аравийского полуострова. В январе 1902 г. принц Абдель Азиз Аль Сауд (Ибн Сауд) захватил Эр-Рияд. Спустя 30 лет, в 1932 г., возникло Королевство Саудовская Аравия – итог экспансионистской политики короля-основателя, – включившее Неджд со столицей Эр-Риядом, Эль-Хасу на западном побережье Персидского залива (ныне – Восточная провинция), протянувшийся вдоль побережья Красного моря Хиджаз с *Двумя Благородными Святынями* – Меккой и Мединой – и лежащие на юге и юго-западе Неджран и Асир.

Разделенность саудовского общества

Определяя пространство этого государства, саудовский историк в 2011 г. говорил о его «фрагментированности», отмечая «регионализм, многообразие наречий и несхожесть политической истории составляющих это пространство провинций» [Аль-Хасан, 2011]. Это положение справедливо и для начавшейся после Второй мировой войны «нефтяной эпохи»: модернизация страны носила консервативно-охранительный характер, вводившиеся государством современные институты вписывались в традиционный социум.

Развивая свою мысль, тот же автор сообщал, что разбросанные в пределах этого политического пространства племена и созданные ими союзы формируют «субэтноты» с «собственными наречиями и героическими сказаниями» [Аль-Хасан, 2011]. Официальное издание подчеркивает: «Правители и граждане Королевства – арабы, принадлежащие к ста древним племенам, образующим саудовский народ» [Ламахат ан савабит... 1995, с. 114]. Государство, опираясь на «правительственные постановления, превращало племенные институты в орудие поддержания стабильности» [Аль Сауд, 2000, с. 108–109].

Саудовская статистика игнорирует конфессиональные особенности социума, ограничиваясь указанием на то, что «граждане Королевства – мусульмане». Вероисповедное единство предполагает повсеместную приверженность ваххабитской версии ханбализма. Но в этом социуме присутствуют также приверженцы суфийских *тарикатов* и последователи иных *мазхабов* суннизма, – немногочисленность сторонников *ханифитской* доктрины искупается широким распространением *шафиитской* и *маликитской* правовых школ. Осуществленная предшественником нынешнего монарха зимой 2009 г. реформа Совета высших улемов, в который были введены представители неханбалитских мазхабов, признала присутствие последователей более распространенных в суннитском исламе толкований Божественного закона.

Шииты – часть саудовского «конфессионального пейзажа». Оценки их веса в демографической структуре Восточной провинции условны: в 2010 г. саудовский шиитский клирик Хасан Ас-Саффар определял численность шиитов в пределах от 1,5 до 1,8 млн. Но и шиитское присутствие дифференцировано. В границах с Йеменом провинции Неджран, по оценке Х. Ас-Саффара, проживает около 500 тыс. *исмаилитов*, соседство Йемена предопределило присутствие *зейдитов* в Асире [Хивар барнамадж Аль-Минасса, 2014].

Саудовские шииты – компактно сконцентрированное меньшинство, живущее в суннитском окружении и представленное в основном *двунадесятниками*. К 1913 г., времени включения шиитских районов в формирующуюся территориальную политику, абсолютное большинство их населения было занято земледелием. Особенностью положения шиитов выступал не только «статус презируемых земледельцев», но и «незнание родовых генеалогий», что исключало «вхождение в систему племенной иерархии» [Ар-Рашид, 2014, с. 61–62]. Распространяя свое покровительство на новых подданных, власть поначалу была далека от введения ханбалитской доктрины в зоне их расселения.

После того как в 1926 г. возникли централизованные ханбалитские институты, на шиитов была распространена ваххабитская система судопроизводства и норм жизни, диссонирующая на фоне суннитского господства традиция подверглась преследованию. Шиитское богословие (саудовские последователи шиизма ориентировались на Иран) объявлялось «еретическим», разрушение *хусейний*

оправдывалось «изживанием многобожия», проведение *ашуры*, траура по убитому в месяц *мухаррам* Хусейну, запрещалось. Более поздние слова ханбалитского богослова о том, что «шиитская ересь опаснее коммунизма и сионизма», доказывали, что шииты воспринимались как «политико-конфессиональные маргиналы» [Ayad, 2013]. Тому были причины, связанные с политикой, экономикой и безопасностью: в Восточной провинции сосредоточено 98% углеводородного сырья [Eastern province, 2013, p. 8]. В шиитском меньшинстве с его связями с единоверцами соседних стран правящая элита видела «пятую колонну».

Разделенность саудовского общества определялась и исторической памятью регионов. Вплоть до начала Первой мировой войны османское правительство рассматривало Эль-Хасу как часть империи. В течение 1916–1925 гг. Хиджаз был суверенным королевством (ранее – османской провинцией) под *хашимитским* управлением. Это относилось и к *идрисидскому* Асиру, политически самостоятельному до 1923 г. Итогом саудовско-йеменской войны 1934 г. стало поглощение северного Недждана. До 1921 г. Неджд контролировался эмиратом Джебель-Шаммар.

Строительство государства и попытки культурно-политической гомогенизации

Единство государства с выраженными социальными, экономическими и этнокультурными разломами опирается на силу – эта традиция коренится в истории Аравийского полуострова. Однако сила не была единственным инструментом поддержания статус-кво.

«Религиозное и социокультурное единство» достигалось при опоре «на факторы ваххабизма и Неджда» [Аль-Хасан, 2011]. Предложенная Мухаммедом бен Абдель Ваххабом (и закрепленная его потомками, объединенными в семью Аль Аш-Шейх) ригористичная (отвергавшая *новшества* – введенные в «чистый» ислам *благородных предков* «наслоения») трактовка ханбалитского мазхаба, «объединяя государство», предлагала инструмент обеспечения общественного единообразия. В октябре 1926 г. король-основатель ликвидировал существовавшие в Главной мечети Мекки кафедры законоучителей трех юридических школ суннизма (сохранив хан-

балитскую), и «правовые нормы более не разделяли подданных короля» [Таухид аль-джамаа... 2013].

Культурная гегемония Неджда – итог политического господства Аль Сауд. Недждийский бедуинский танец *арда* был трансформирован в национальный: ежегодный фольклорный фестиваль в Эль-Джанадарийе (неподалеку от Эр-Рияда) открывается его исполнением при участии коллективов из всех саудовских регионов. Традиционный недждийский мужской костюм (белая полотняная либо серая шерстяная рубаша и головной убор – поддерживаемый шнуром платок), ставший обязательным для ношения во всех государственных учреждениях, вытеснил его региональные варианты. Это относилось и к женскому черному платью – *абайе*, – дополняемому *хиджабом*.

Центральная власть была выстроена на недждийских племенных принципах. Оправдывая притязания на контролируемые территории, Ибн Сауд заявлял: «Я – араб из лучших арабских семей. Я властвую потому, что так предопределил Господь» [Аль-Мухтар, б.г., с. 10]. Адекватное понимание этого высказывания возможно при условии, что *арабская* самоидентификация монарха должна трактоваться как указание на ведущую роль Аль Сауд в социальной стратификации Неджда. Этот род заключал *соглашение* – *аль-бейъа* с подданными, оформлявшееся *клятвой верности*, приносившейся монарху и предполагавшей защиту статуса подданных и их жизни.

В настоящее время принцип *аль-бейъа* зафиксирован в статье саудовского конституционного акта – Основного закона правления. Она гласит: «Граждане приносят клятву верности королю на Книге Всевышнего Господа и Сунне Его Пророка, обещая повиновение и покорность в трудностях и радостях, в богатстве и в несчастьи» [Бен Баз, 2000, с. 265]. Описывая состоявшийся 24 января 2015 г. процесс заключения соглашения с ныне правящим монархом Сальманом бен Абдель Азизом, саудовское издание сообщало: «Во Дворце власти в Эр-Рияде принесли клятву верности принцы, верховный муфтий, улемы, министры, высшие гражданские и военные сановники, многочисленные граждане. Клятва была принесена на Книге Всевышнего и Сунне Его Пророка в том, что Служитель Двух Благородных Святынь Сальман бен Абдель Азиз становится правителем Королевства Саудовская Аравия» [Хадим Аль-Харамейн ва вали ахдихи, 2015].

В саудовском нарративе события первой трети XX в. представлены как *таухид ад-дауля* – объединение государства, «восстановление саудовской власти» и «объединение страны», которые для официального историка выступают синонимами [Аль-Усейман, 1999, с. 53–54]. При этом термин *таухид ад-дауля* религиозно окрашен: его первая часть обозначает и *единобожие* – основной столп мусульманской веры. Союз правителя и ханбалитских законоучителей (семьи Аль Аш-Шейх) заложил основы саудовской политической системы. Дань, выплачивавшаяся подданными, провозглашалась *закятом*, столпом мусульманской веры. Государство обрело идеологически мотивированную армию – участников движения *ихванов*¹. Походы короля-основателя перестали быть набегами (*газават*), став войной во имя веры (*джихад*).

Существование нового государства было неотделимо от личности Ибн Сауда и его сыновей, сменявших на троне отца, – разрыв связи между династией и политическим образованием привел бы к потере им легитимности и в итоге – к крушению. Провозглашая незыблемость этой связи, Основной закон правления подчеркивал: «Власть принадлежит сыновьям короля-основателя Абдель Азиза и сыновьям их сыновей» [цит. по: Бен Баз, 2000, с. 265]. Государство обретало религиозно окрашенную миссию и воплощавшие ее символы – флаг, герб и гимн, «связывая народ с правящей семьей, давшей народу название, а не с территорией, населенной человеческим сообществом» [Ар-Рашид, 2003, с. 26]. В Основном законе правления закреплялся образ «идеального» исламского государства: «Конституция Королевства Саудовская Аравия – Книга Всевышнего и Сунна Его Пророка». Оно «хранит веру ислама, претворяет в жизнь шариат, призывает к дозволенному, отвращает от греховного и исполняет долг призыва к Господу» [цит. по: Бен Баз, 2000, с. 264, 268].

Саудовское государство не стало застывшим *цивилизационным* феноменом: уже время правления Ибн Сауда демонстрировало его способность к последовательной (хотя и медленной) трансформации. Обретение флага, герба и гимна проводило грань между этим политическим образованием и расплывчатым «миром ислама». Развитие международных связей после начала «нефтяной

¹ Недждийское религиозно-политическое движение, сыгравшее ведущую роль в походах Ибн Сауда.

эпохи», потребности становления современной экономики и перемен в общественной жизни – все это создавало почву для подключения к принятию политических решений представителей новых социальных страт, порождаемых процессом модернизации.

В 1992 г. Саудовская Аравия обрела свои первые конституционные акты – не только Основной закон правления, но и Закон о Консультативном совете, создававший основу для становления формальной системы представительства – *протопарламента*, а также Закон об управлении провинциями, в значительной мере расширявший полномочия региональной власти. Это было началом движения (все так же консервативно-охранительного) к созданию механизмов реагирования на внутренние, порожденные фрагментированностью социума вызовы и адаптации к воздействию внешних угроз.

Региональный патриотизм и бунтарство как вызовы власти

Разделенность племенного социума не могла быть преодолена быстро. Ее проявления зависели от факторов, определявшихся положением того или иного региона или этноконфессионального сегмента в социально-политической системе.

Достигнутый Хиджазом к моменту его аннексии Ибн Саудом уровень развития позволил этому региону занять особое положение в структуре власти. Там, продолжая институты османского и хашимитского времени, возникли первые правительственные учреждения (Мекка, а не Эр-Рияд до конца 1950-х годов играла роль столицы). Этот регион был центром культурной жизни – в османское время там появились пресса и соответствовавшие эпохе школы. В Джиdde появились первые банковско-финансовые организации и объединения купеческих семей, ставшие основой современных торгово-промышленных палат. Саудовский модернизационный процесс опирался на *образованных* хиджазцев. Процесс их «вписывания» во власть придавал местному *патриотизму* особый, ностальгический нюанс.

Описывая Мекку 1940–1960-х годов, родившийся в ней журналист сообщал: «В культурном и социальном отношении Мекка была многолика. Ее настоящая “жемчужина” – Главная мечеть, ограниченная территорией еще османского времени, была не

столько местом молитвы, сколько местом встреч, учебы, общественных контактов, культурных и религиозных дискуссий, в которых участвовали и мужчины, и женщины» [Аднан, 2011, с. 24]. Ныне же, утверждает антрополог из Хиджаза, следы хиджазской идентичности сохранились лишь «в частной жизни» [Ар-Рашид, 2014, с. 271].

Начавшееся во второй половине 1940-х годов ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности меняло положение шиитов-двунадесятников. Прежние земледельцы устремлялись во вновь возникавшие «нефтяные города» – на предприятия Arabian American Oil Company – АРАМКО (с 1988 г. Saudi ARAMCO). АРАМКО создавала школы для рабочих, поощряла местных уроженцев к заключению контрактов на предоставление услуг, содействовала поступлению своих работников в саудовские и зарубежные учебные заведения. В 1980-е годы большинство студентов созданного компанией Колледжа нефти и природных ресурсов (ныне Университет нефти и природных ресурсов) в Дахране составляли шииты, как и большинство студентов открытого в 1975 г. и специализирующего на преподавании агрикультуры, медицины и ветеринарии Университета имени короля Фейсала в Даммаме и Хуфуфе. Шиитское сообщество обретало современную структуру. Однако его роль в обществе при этом не повышалась – шиитское предпринимательство ограничивалось низшими ступенями бизнеса, в школах и высших учебных заведениях отсутствовали преподаватели-шииты, религиозные обряды оставались запрещенными, перед молодежью были закрыты двери для службы в армии, полиции и органах безопасности. Политические веяния 1960-х годов подталкивали эту молодежь к вступлению в подпольные организации насеристского и баасистского толка: Восточную провинцию охватила волна рабочих волнений, развивавшихся под лозунгами левого панарабизма. Поражение Египта и Сирии в июньской войне 1967 г. изменило ситуацию, место панарабских идей заняла политизированная религия, значение которой усиливал триумф иранской революции.

В 1970-е годы сформировалась группа местных духовных лидеров во главе с шейхом Х. Ас-Саффаром, инспирировавшая в ноябре 1979 г. волнения в районах расселения *двунадесятников*, где впервые были проведены публичные шествия в день *ашуры*. Участники волнений требовали поддержать иранскую революцию

и прекратить поставки нефти в Соединенные Штаты, выдвигая лозунг создания «Исламской республики Эль-Хаса». Противодействие им было затруднено – формирования службы государственной безопасности были брошены на подавление выступления ваххабитских противников режима, захвативших Главную мечеть Мекки. Завершение операции в «святом городе» позволило «умиротворить» Восточную провинцию.

В 1981 г. возникла руководимая из-за рубежа Исламская революционная организация Аравийского полуострова. Ее противостояние власти продолжалось недолго – демографическое преобладание суннитов не позволяло надеяться на успех революции. Оппозиционеры ограничились достижением религиозного и политического равенства: в первой половине 1980-х годов началась «новая эра» в отношениях между государством и шиитским сообществом. Место прежних администраторов – выходцев из Неджда заняли технократы-шииты, выпускники высших учебных заведений региона. Шииты кооптировались в руководство строившихся промышленных комплексов. Процессии в день *ашуры* (ограниченные рамками городских кварталов) стали частью повседневности. Встретившись в 1993 г. с прибывшими в Саудовскую Аравию единомышленниками Х. Ас-Саффара (в страну вернулся и он сам), король Фахд бен Абдель Азиз объявил об амнистии всех участников ноябрьских волнений и отказе от практики дискриминации. Исламская революционная организация трансформировалась в Исламское движение реформ.

Позиция шейха Х. Ас-Саффара, высказывавшаяся им после возвращения на родину и значительно позже, не претерпела изменений: по его мнению, «где бы ни находились шииты, они – неотъемлемый элемент их родины и народа». Он подчеркивал, что «политический и религиозный деспотизм порождает маргинализацию общины, заставляя ее спланиваться ради защиты своих интересов», при этом «не существует противоречия между лояльностью родине и преданностью религии». Лидер саудовских *двунадесятников* видел свою задачу в том, чтобы требовать от власти «выработать дискурс единения, диалога и гражданского равенства». Указывая на причины нетерпимости, он обвинял «религиозное [ваххабитское] руководство в мобилизации единоверцев на сохранение своего доминирования» [Хивар мандуб Муассаса, 2012].

В октябре 2011 г. (последствия этих событий ощущались вплоть до 2013 г.) власть столкнулась с новыми волнениями шиитской молодежи, начавшимися в городе Эль-Авामीя после ареста радикального противника Х. Ас-Саффара шейха Нимра Ан-Нимра. Участники выступлений не имели программы действий, нанося удар по «оплотам несправедливой власти и ее пособникам» – полицейским участкам, государственным учреждениям и по «собственности частных лиц». Это были самые серьезные после 1979 г. волнения шиитов Эль-Хасы, и против них была вновь применена сила.

Идентичная ситуация складывалась и в исмаилитской среде. В апреле 2000 г. в Неджране произошли массовые волнения, поводом для которых стало вдохновленное местными ханбалитскими улемами закрытие исмаилитских мечетей и аресты духовных лидеров общины. Столкновения с силами государственной безопасности закончились кровопролитием, за которым последовала волна арестов, поддержанных фетвой Совета высших улемов, объявлявшей исмаилитов *неверными*. Опубликованный в 2008 г. доклад Human Rights Watch констатировал, что последователей исмаилизма окружают «враждебность» и «дискриминация» [The Ismailis of Najran, 2008, p. 2–4]. Начавшаяся же в 2014 г. саудовская антихуситская военная операция в Йемене усилила напряженность в Неджране и Асире – необходимость отпора возможным сепаратистским выступлениям заставила власть сохранять значительное армейское присутствие на территории обеих провинций.

Положение в Восточной провинции и в Неджране показывает, что проводимый властью курс «осторожной открытости» в отношении шиитов и исмаилитов, в рамках которого лидеры обеих общин были включены в систему *аль-бейъа*, а в июне 2014 г. исмаилит был введен в состав правительства в качестве министра по делам Консультативного совета [Ас-Сира аз-затийя, 2014], не оказался эффективным. Высший офицерский корпус армии, полиции и службы государственной безопасности закрыт для неханбалитов, антишиитские (и антиисмаилитские) фетвы ваххабитских богословов – реальность, а сопротивление улемов, исключившее назначение шиитского правоведа в Совет высших улемов, оказалось непреодолимо.

Власть и политизированный суннитский ислам: Вызов «заблудшей секты»

22 января 2003 г. в Эр-Рияде произошло столкновение сил государственной безопасности с теми, кого власть (используя заключительные *айяты* первой суры Корана) назвала *заблудшей сектой*. Страна вступила в «годы террора», которые были предвосхищены событиями 1979 г. в Главной мечети Мекки. *Джихадистский салафизм* порождился «расколом корпуса богословов» и «жесткой критикой представителей его второго и третьего эшелонов в отношении королевской семьи, утверждавших, что ее политика противоречит вере, на которой основано государство» [Ибрагим, 2009, с. 72–75]. Это положение подтверждала статистика: противники высшего эшелона религиозной власти были выходцами из депрессивных районов Неджда. В модернизовавшемся государстве эти люди, поступая в университеты, выбирали специализацию «исламские науки», и к середине 2000-х годов доля связанных с этой специализацией безработных составила более 70% [Академий саудий, 2010].

Сторонники *заблудшей секты* – молодые «активисты-законоучители», организуя акции террора, *отлучали от веры* государственных и религиозных сановников [Аль-Мураджаат ли аль-машаих, 2004, с. 3–5]. Связь между Аль Сауд и государством отвергалась, социум должен был сплотиться, чтобы искоренить «новшества» и вернуться в эпоху *благородных предков*. Только в июле 2011 г. предшественник правящего короля заявил об «успехе в отражении террора и разрушении его структур» [Хадим Аль-Харамейн, 2011].

Подавляя вооруженное крыло оппозиции, государство не считало возможным достигать взаимопонимания с той ее группой, которая в середине 2000-х годов назвала себя *просветительским движением* (и ответвлением Движения «Братья-мусульмане»), заявляя о стремлении к союзу с властью. Идеолог этой группы отмечал: «Просветитель стремится преодолеть взгляд на мир как на поле религиозной войны» [Ад-Дейни, 2011, с. 12–14]. Его единомышленница писала: «Просветители, провозглашая свободу мнения, не противоречат шариату» [Аль-Мутавава, 2010]. Точка зрения власти была иной: создается «партия», стремящаяся к «недопустимой вестернизации» [Ад-Дейни, 2011, с. 22].

События «арабской весны» внесли перемены в сложившееся положение – в феврале 2011 г. в Эр-Рияде было обнародовано со-

общение о формировании Партии исламской уммы. Как заявили ее создатели, они являются «мирной народной партией», и только «шариат может быть основой законодательства», а «источником власти – нация». Основатели партии считали, что «гарантируемые шариатом права и свободы, включая свободу мнения, – достояние всех граждан», заявляя о приверженности принципу «свободных выборов, опоры на мнение большинства и ротации власти». Цель партии – «социальная справедливость, равноправие и равные возможности для всех» [Аль-Байян ат-таасисий, 2011].

В начале марта 2011 г. связанное с партией Объединение свободной молодежи призвало «сторонников справедливости» выйти на улицы и «совершить великий джихад на пути Господа, сказав свое слово неправедному правителю» – в стране должна была начаться *желанная революция*. В обращении ее инициаторов говорилось, что «язык демонстраций и массовых собраний – единственный способ заставить осуществить требования граждан» [Саура ханин, б.г.]. *Желанная революция* не произошла: против ее организаторов были мобилизованы армия и государственная безопасность.

Пропитанная «демократизмом» риторика Партии исламской уммы не скрывала устремленности к конструированию общества под руководством богословов и к ослаблению (если не к ликвидации) лояльности Аль Сауд. Власть, обвинившая создателей партии в «расколе единства народа», подвергла их репрессиям. Выраженная в связи с этим точка зрения (в то время) правящего монарха была четкой: «Наш народ – единая партия, а желание создать партию вызывает гнев Господа». Обращаясь к прошлому «просветителей», король заявлял: «Среди них те, кто ранее пытались сбить наших детей с истинного пути» [Хадим Аль-Харамейн юнаввих, 2013]. Используемое им местоимение *наши* относилось не к родителям молодых саудовцев, а к правителю – «единство» власти и подданных должно было остаться непоколебимым.

Меняющееся саудовское общество: Старые и новые проблемы

«Нефтяная эпоха» трансформировала саудовское общество: если ранее оно состояло из «правлящего класса» – семейств Аль Сауд и Аль Аш-Шейх, «классов вождей племен, ихванов, торгов-

цев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов», то последующая эволюция меняла его социальную структуру. «Класс торговцев» обрел черты «предпринимательского класса». «Класс вождей племен» стал орудием государства. В начале 1960-х годов было запрещено рабство. Исчезли «классы ихванов и ремесленников», растворившиеся в Национальной гвардии и страже рабочих-нефтяников. Большую роль стали играть «классы интеллигенции, нового предпринимательства, служащих и лиц с ограниченным доходом» [Аз-Захрани, 2000, с. 129–131].

«Нефтяная эпоха» усложнила и дифференцировала политическую систему. Она ввела новые профессии и стиль жизни, функционально ограничивая роль традиционных общественных страт. В 1990–2000-е годы модернизационный процесс получил более широкую основу – ею стал выпестованный властью «новый образованный класс». По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев получили образование: 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, 34,4% – дипломами бакалавров. Образованны как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин [Аль-Мамляка, 2010]. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок направляются государством в зарубежные университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 высших учебных заведений и 52 региональных технических колледжа [Хадим Аль-Харамейн, 2010].

Меняясь, саудовское общество сталкивалось с новыми трудностями – это и углубление диспропорций в развитии провинций, порождавшее официально признаваемую бедность, и разрыв между сложившейся системой образования, где сохраняла позиции религиозная догма, и требованиями времени, заключавшимися в необходимости перехода к «обществу знания и информатики». Превращавшийся благодаря Закону о Консультативном совете в третьего игрока на внутрисаудовской сцене «новый образованный класс» видел во власти инициатора реформ, настаивая на их ускорении.

22 января 2003 г. в Эр-Рияде, когда в столице произошло первое выступление *заблудшей секты*, группа представителей «нового образованного класса», встречаясь с Абдаллой бен Абдель Азизом, вручила ему составленное ею «Видение настоящего и будущего родины». Лейтмотив этого документа – трансформацию

страны в «государство институтов во взаимодействии с монархом» [Руайя... б.г.] – Абдалла бен Абдель Азиз провозгласил содержанием «этапа реформ». Начало 2000-х годов ввело в саудовский дискурс термин *либералы*, которые понимались как поборники «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод», но, добавлял сообщавший о них автор, «остававшиеся почвенниками» [Аль-Хабиб, 2011]. Ему не противоречил последователь либерализма, подчеркивавший: «Мы гордимся нашей принадлежностью к исламу, религии справедливости, равенства и свободы, мы против тех, кто искажают Божественное послание, воплотившееся в Королевстве» [Аль-Омани, 2012]. Страта, выпестованная государством, отдавала ему должное.

«Годы террора», ставшие фоном саудовского «этапа реформ», предопределили союз власти и «образованного класса», придав ему форму, отвечавшую интересам государства: реформы могла инициировать только власть, расширение числа участников принятия политического решения обуславливалось лояльностью Аль Сауд. Иная постановка вопроса была нетерпима: политические заключенные в Саудовской Аравии – неотрицаемая реальность.

Казалось бы, «арабская весна» создала условия для пересмотра основ взаимодействия «либералов» и власти. В феврале 2011 г. монарху было обращено «Заявление 23 февраля», подготовленное группой «Молодежь Фейсбук». Оно начиналось словами: «Революции в Тунисе, Египте и Ливии доказывают, что правители не прислушивались к голосу молодежи, оставаясь далекими от ее чаяний. Но эти события несут анархию, кровопролитие, попрание основ правопорядка». Нельзя допустить, продолжали они, «чтобы негативные последствия революций затронули Королевство», поэтому «молодежь призывает Служителя Двух Благородных Святынь провести назревшие реформы». В стране должен был возникнуть «избираемый парламент» и обеспечена «свобода общественных организаций», осуществлена «трансформация монархии в конституционную», легализованы партии и предоставлены политические права женщинам [Тасауд, 2011].

К концу лета 2011 г. власть урегулировала отношения с «либералами». Для этого понадобились финансовые инициативы, преследования активистов и частичные уступки – расширение состава Консультативного совета и введение в него женщин. Условный характер союза власти и «либералов» не был поколеблен – высту-

пая 26 сентября 2011 г. с тронной речью в Совете, король Абдалла бен Абдель Азиз был жесток: «Осуществляемая нами модернизация взвешенна и отвечает исламским ценностям». Далее следовало предупреждение: «Вы можете высказывать ваше мнение, давая советы. Тот, кто выйдет за этот предел, понесет ответственность» [Би карарейн, 2011].

Возможно ли «национальное единство»?

1990–2000-е годы демонстрировали устремленность власти к достижению «национального единства» и преобразованию Саудовской Аравии в «отечество всех граждан». Тому были весомые подтверждения.

В стране создавались новые государственные институты. Особая роль в их списке принадлежала назначаемому монархом Консультативному совету, задачи которого определял связанный с его созданием Закон: «Следуя источникам исламского шариата, члены Совета служат общему благу, охраняя единство общества» [Низам Маджлис аш-шура... 2000, с. 319]. Если в момент формирования Консультативного совета (весна 1992 г.) в нем было 60 членов, то после 2005 г. – 150, включая 30 женщин. В 2012 г. Совет обрел право законодательной инициативы. Абсолютное большинство новых лиц (в том числе все женщины), введенных в состав Совета, обладают дипломами о высшем образовании или магистерскими и докторскими степенями. Эти дипломы и степени получены, в первую очередь, по светским специальностям. Новые члены Совета – уроженцы всех регионов страны и представляют все конфессиональные страты (в составе нынешнего *протопарламента* семь уроженцев шиитских районов Восточной провинции и два – Недждрана [Ас-Сияр аз-затийя... 2015]). Многие из них – разночинцы.

Создав Совет, власть лишь расширила сферу применения присяги правящему монарху. Это не снижало его значимости как «мозгового центра», позволившей ему стать каналом влияния на принятие политических решений и трибуной для выражения точек зрения по вопросам внешнего и внутреннего курса, равно как и органом контроля над реализацией утвержденных правительственных решений. Работа в Совете предоставляла представителям «образованного класса» возможность войти в исполнительную

власть: большинство членов сформированного в конце зимы 2015 г. правительства ранее работали в Консультативном совете.

В 2003 г. возник Центр национального диалога как орган, призванный содействовать «укреплению национального единства, базирующегося на неизменных принципах шариата» [Марказ аль-малик... 2004, с. 3]. Открывшая работу Центра первая «общенациональная встреча» объединила законоучителей – последователей ханбалитской доктрины, глав шиитской и исмаилитской общин и руководителей суфийских *тарикатов*. Задача этой встречи определялась как «поиск пути к умеренному исламскому дискурсу» [там же, с. 10]. В дальнейшем же на обсуждение участников «национальных встреч» (включая шиитскую и исмаилитскую интеллигенцию) выносились вопросы, связанные с положением женщин, ситуацией в среде молодежи, в сфере образования и здравоохранения, а также «экстремизм и сохранение национального единства» [Аль-Ликаат аль-ватанийя... 2015]. Возникновение Центра внесло новые нюансы в систему власти – создавая этот институт, власть заявляла, что нуждается во мнении общества (при ограничении этого мнения точкой зрения «избранных групп граждан»), опираясь на которое она могла бы продолжать движение по пути реформ. Каждая из прошедших в различных регионах 10 «национальных встреч» разрабатывала рекомендации, направлявшиеся «политическому классу».

В 2005 и 2011 гг. в Саудовской Аравии прошли частичные выборы в муниципальные советы. В конце лета 2015 г. началась третья муниципальная избирательная кампания, в которой участвуют и женщины (происходящие в три этапа выборы завершатся в декабре 2015 г.). При ограниченности сферы деятельности этих советов (из нее изгнана политика) процесс муниципальных выборов показателен: создает конкурентную среду, в ходе которой возникают межплеменные и межконфессиональные «блоковые объединения», способные представить единые списки кандидатов и обеспечить им победу. В районах же расселения неханбалитских меньшинств членство в муниципальных советах – монополия местных уроженцев.

Власть вводила в саудовский дискурс новые термины: *родина – ватан* и производное от этого термина *муватынун – граждане*. В 2005 г. Абдалла бен Абдель Азиз учредил отмечаемый 23 сентября национальный праздник – День объединения. Сооб-

шая в 2015 г. об этом празднике, саудовское издание подчеркивало: «Национальный день воплощает единство родины, развитие всех регионов страны, успешное преодоление вызовов и кризисов» [Ас-Саудийя фи яумиха... 2015]. Приведшая к жертвам террористическая акция (в мае 2015 г.) в шиитской мечети местечка Эль-Кудейх (Восточная провинция) была использована властью для организации кампании «общенациональной солидарности» под лозунгами «исламского суннитско-шиитского братства» [Аль-Малик Сальман... 2015].

Все же саудовское «национальное единство» – не более чем далекая перспектива. Да и возможно ли оно?

В начале 2000-х годов оппозиционный эмигрант-публицист склонялся к пессимистическому ответу: «Лояльность политическому режиму, включенность в единую систему судопроизводства и образования содействуют распространению чувства принадлежности к сообществу. Но, – добавлял он, – правящая семья, не уважающая специфику регионов и человеческих групп, скованная неждийским происхождением и ваххабизмом, претендует на то, чтобы быть единственным выразителем идеи саудовской идентичности» [Ар-Рашид, 2003, с. 28].

Спустя несколько лет живущие в стране авторы иначе нюансировали ответ на тот же вопрос: «Происходящие в государстве реформы, – писали два молодых социолога, – непродолжительны, а их успех во многом зависит от того, как мы определяем себя». По их мнению, «сегодня предпринимаются пока еще робкие попытки создать иную основу идентичности – власть закона, равенство, созидания государства институтов». Еще, добавляли они, «неясно, как будет выглядеть эта основа, поскольку мы как общество не пришли к выводу о том, какой хотим ее видеть» [Ас-Сануси, Бухари, 2012].

Иными словами, «национальное единство» станет реальностью только при условии выхода на арену политической жизни современного общественного слоя, способного обрести независимость от консервативно-патриархальной власти и одновременно позитивно взаимодействовать с ней. Пока еще это далекая перспектива.

Список литературы

Ад-Дейни Ю. Ат-Танвир аль-ислямий фи Ас-Саудийя [Исламское просветительство в Саудовской Аравии] // Кадая аль-ислямийин фи Аль-Халидж [Проблемы исла-

- мистов Залива]. – Дубай: Марказ Аль-Мисбар ли ад-дирасат ва аль-бухус, 2011. – 227 с. – Араб. яз.
- Аднан А. Ас-Сиджин 32 [Заключенный № 32]. – Бейрут: Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, 2011. – 471 с. – Араб. яз.
- Аз-Захрани С.Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтимаийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя [Проблемы социального развития Королевства Саудовская Аравия]. – М.: Прогресс, 2000. – 256 с. – Араб. яз.
- Академий саудий янтакид муариди ислях ат-таалим [Саудовский преподаватель критикует противников реформы образования] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2010. – 29 мая. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/details.asp?section=4&article=280468&issueno=9562> (Дата посещения: 29.05.2010.)
- Аль-Байян ат-таасисий ли Хизб аль-умма аль-ислямий [Учредительное заявление Партии исламской уммы]. – 2011. – Февраль. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.islamicommaparty.com/?info=TIRJMUpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U> (Дата посещения: 10.02.2011.)
- Аль-Лиكاат аль-ватанийя [Национальные встречи]. – Араб. яз. – Режим доступа: http://www.kacnd.org/all_national_meetings.asp (Дата посещения: 23.09.2015.)
- Аль-Малик Сальман ятвваад би ат-тасадди ли аль-фикр ад-далль [Король Сальман обещает дать отпор заблудшей идее] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 25 мая. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/368386> (Дата посещения: 25.05.2015.)
- Аль-Мамляка: 8,6 мильон насама джумля аль-кувва аль-амиля [Королевство: общая численность рабочей силы 8,6 млн человек]. – Араб. яз. // Аль-Хайят. – Бейрут, 2010. – 1 марта. – Режим доступа: <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> (Дата посещения: 03.03.2010.)
- Аль-Мураджаат ли аль-машаих Али Аль-Худейр, Насер Аль-Фахд ва Ахмед Аль-Халиди [Раскаяния шейхов Али Аль-Худейра, Насера Аль-Фахда и Ахмеда Аль-Халиди]. – Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-ислямийя, 2004. – 104 с. – Араб. яз.
- Аль-Мутаваа А. Ат-Танвирийун ас-саудийун [Саудовские просветители] // Аль-Арабийя. – Дубай, 2010. – 17 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.alarabiya.net/views/2010/07/03/112881.html> (Дата посещения: 23.10.2010.)
- Аль-Мухтар С.-Д. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи мадыха ва хадыриха [История Королевства Саудовская Аравия в ее прошлом и настоящем]. – Бейрут, б.г. – 518 с. – Араб. яз.
- Аль-Омани Ф.А. Ат-Тайяр аль-либералий ас-саудий [Саудовское либеральное течение] // Ар-Рияд. – Эр-Рияд, 2012. – 8 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.alriyadh.com/2012/01/08/article698925> (Дата посещения: 10.01.2012.)
- Аль Сауд Ф. Ат-Таджруба ад-димукратыйя фи Ас-Саудийя ва «аль-маджалис аль-мафтуха» [Демократический опыт Саудовской Аравии и «открытые совещания»]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Харриджи, 2000. – 104 с. – Араб. яз.
- Аль-Усейман А.С. Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Джуз ас-сани. [История Королевства Саудовская Аравия. Ч. 2.]. – Эр-Рияд: Мактаба аль-малик Фахд аль-ватанийя, 1999. – 414 с. – Араб. яз.

- Аль-Хабиб А.Р.* Ман хувва аль-либералий ас-саудий? [Кто такой саудовский либерал] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 10 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm> (Дата посещения: 11.01.2011.)
- Аль-Хасан Х.* Аль-Харита аль-мазхабийя фи Ас-Саудийя [Конфессиональная карта Саудовской Аравии] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 3 октября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/home/787157c4-0c60-402b-b997-1784ea612f0c/c5d7b> (Дата посещения: 05.10.2004.)
- Ар-Рашид М.* Тарих Аль-Арабийя Ас-Саудийя байн аль-кадим ва аль-хадис [История Саудовской Аравии между прошлым и настоящим] – Бейрут: Дар Ас-Саки, 2002. – 343 с. – Араб. яз.
- Ар-Рашид Х.* Халь хунак хуввийя ватанийя саудийя [Существует ли саудовская национальная идентичность]? // Шуун саудийя. – 2003. – № 3, апрель. – С. 16–28. – Араб. яз.
- Ас-Сануси Р., Бухари И.* Аль-Хувийя ас-саудийя аля муфтарак ат-турук [Саудовская Аравия: идентичность на распутье] // Джаваз дипломасий. – 2012. – 3 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://jawazdiblomasy.wordpress.com/2012/07/03> (Дата посещения: 05.06.2014.)
- Ас-Саудийя фи яумиха аль-ватаний* [Саудовская Аравия в свой национальный день] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 23 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/458926> (Дата посещения: 23.09.2015.)
- Ас-Сира аз-затийя ли вазир ли шуун Аш-Шура Мухаммед Абу Сак* [Биография министра по делам Консультативного совета Мухаммеда Абу Сака] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2014. – 28 июня. – Араб. яз. Режим доступа: <http://www.al-jazirahonline.com/news/2014/20140628/22610> (Дата посещения: 29.06.2014.)
- Ас-Сияр аз-затийя ли аада Маджлис аш-шура* [Биографии членов Консультативного совета]. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/cv> (Дата посещения: 09.09.2015.)
- Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя [Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Харриджи, 2000. – 284 с. – Араб. яз.
- Би карарейн тарихийейн аль-малик яхджуз макъад аль-маръа би Аш-Шура* [Двумя историческими указами король резервирует женщинам места в Консультативном совете] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 26 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issueno=11990> (Дата посещения: 28.09.2011.)
- Ибрагим Ф.* Ас-Саляфийя аль-джихадийя фи Ас-Саудийя [Джихадистский салафизм в Саудовской Аравии]. – Бейрут, Дар Ас-Саки, 2009. – 318 с. – Араб. яз.
- Ламахат ан савабит ас-сияса ас-саудийя* [Очерки о константах саудовской политики]. – Эр-Рияд: Дар Аль-Харриджи, 1995. – 120 с. – Араб. яз.
- Марказ аль-малик Абдель Азиз ли аль-хивар аль-ватаний.* Далиль таарифий [Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник]. – Эр-Рияд, 2004. – 48 с. – Араб. яз.
- Руайя ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи* [Видение настоящего и будущего родины]. – Араб. яз. – Б.м., Б.г. – С. 1–5. – Личный архив Г.Г. Косача.

- Саура ханин. 11 март [Желанная революция. 11 марта]. – Б.м., Б.г. – С. 1–5. – Личный архив Г.Г. Косача.
- Тасаъуд маталиб аль-ислях фи Ас-Саудийя [Рост требований реформ в Саудовской Аравии] // Аль-Джазира. – Доха, Катар, 2011. – 24 февраля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/7429F239-FAD6-45CF-969C-3547A3C9C78C.htm> (Дата посещения: 25.02.2011.)
- Таухид аль-джамаа хальф имам вахид фи Аль-Харам аль-маккий [Объединение общины за одним имамом мекканской Святыни] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2013. – 25 сентября. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=744606&issueno=12720> (Дата посещения: 25.09.2013.)
- Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб [Служитель Двух благородных Святынь: Королевство добилось успеха в отражении гадины террора] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2011. – 24 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issueno=11926> (Дата посещения: 25.07.2011.)
- Хадим Аль-Харамейн ва вали ахдихи такаббалю аль-бейъа [Служитель Двух Святынь и наследник престола приняли присягу] // Аш-Шарк Аль-Аусат. – 2015. – 25 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/272566?archive=1&date=01/25/2015> (Дата посещения: 27.01.2015.)
- Хадим Аль-Харамейн юнаввих би такатугф аль-мувататынин ва вахда саффихим [Служитель Двух Святынь призывает граждан к сплочению и единству рядов] // Аль-Хайят. – Бейрут, 2013. – 24 апреля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://alhayat.com/home/ksa506441> (Дата посещения: 24.04.2013.)
- Хивар барнамадж Аль-Минасса ли аш-шейх Ас-Саффар [Беседа программы «Трибуна» с шейхом Ас-Саффаром]. – 2014. – 13 января. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.saffar.org/index.php?act=artc&id=3272&hl=> (Дата посещения: 18.02.2014.)
- Хивар мандуб Муассаса аль-фикр аль-ислямий маа аш-шейх Хасан Ас-Саффар [Диалог представителя Фонда исламской мысли с шейхом Хасаном Ас-Саффаром]. – 2012. – 24 июля. – Араб. яз. – Режим доступа: <http://www.saffar.org/?act=artc&id=3016> (Дата посещения: 26.07.2012.)
- Ayad C. Chiites – sunnites, guerres ouvertes // Le Monde. – Paris, 2013. – 22 mai. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2013/05/22/chiites-sunnites-guerres-ouvertes_3414637_3208.html (Дата посещения: 23.05.2013.)
- Eastern province. Facts and figures. – Riyadh, 2013. – 48 p.
- The Ismailis of Najran. Second-class Saudi citizens / Human rights watch. – N.Y., 2008. – September. – 18 p.